

театр 41⁰

вая блоха—первая книга поэта,—„ярко круль албанской“.

Кинематографическій снимок всѣх звуков, которые слышали и хотѣл бы слышать Илья в теченіи 20 с лишним лѣтъ!

Увертюра к дальнѣйшим драмам поэта что теперь вышли и печатаются.

Всѣ людскіе пороки растянуты в „янкѣ“ до предѣла:

Стяжательство ярко ловит нелюбимую блоху и пишет на ней „собственность янки“
Нищество

и отсутствіе

пола——„ярко ано в брюках с чюжова
 пличя абута новым времиним“

Трусость—„папаса мамаса“, „анаванѣй
 двуной“,

рѣчь в кисловодскѣ

глупость

и гордыня—„ае бие бие бао биу баэ“.

Сюжет простой: проходимец янко набрел на каких-то разбойников, которые в это время ссорились. Как человек совершенно посторонний и безличный,—янко приневолен быть королем. Он боится. Его приклеивают к трону синдетиконом, янко пробует оторваться, ему помогает в этом какой то нѣмец ыренталь: оба кричать „ва-да“, но воды нѣт и янко падает под ножом разбойников, испукая „фью“. Вот и все. Это сюжет для вертепа, или театра марионеток.

Можно видѣть тут 19 вѣк Россіи.

Гадчино, дубовый буфет и Серафима Саровскаго.

оранжевая блоха

Голос Ильи Зданевича слышен в „янкѣ“ достаточно хорошо, видна и постановка его на букву „ы“, что позволяет легко брать верхнее „й“:

„албанскаѣ язык с русским
идет от ывоннаго“

„ывонный язык открывает всѣ чисто русскія возможности, которыя в „янкѣ“ однако не использованы: там нѣтъ ни одной женщины, ни одного „ьо“,—ни капли влаги.

Необыкновенная сухость словесной фактуры, твердая бумага и обложка цвѣта окаменѣлой желчи,—заставили многих принять Илью Зданевича как академиста и бюрократа.

Поэт раздѣлил судьбу своего героя: ему нехватило „воды“! Температура 41°!

гадчино, дубовый буфет, серафим саровскій

Твердый нос! Зданевич ищет душевную мягкость (слюни любви): так образовался позыв к анальной эротикѣ! Заболѣвает брюшным тифом! Пишет новую драму— „асел напракат“—компрес из женщины, который молитвенно прикладывается без разбора, то к жениху „А“, то к „Б“, то просто, по ошибкѣ,—к ослу.

Всѣ неприлично любовныя слова в без-причинном восторгѣ юлят, ются, вокают, сяют, переслюняя самого юснаго поэта Велеміра Хлѣбникова:

наПяляя клЮсь яслюслЯйка вбилЬЕ пиизЯти
ибУнькубунь кЕю халЯвай пЕк
иффЯфсы цвиЮтью унАби лЮпь
гяенЯй талЕстис мавзЕпит казЮку качЮчь
разивАю юпАпяк фЕйки падвЯски

компрес из женщины

зОхна
кОзлик липИть блЯ рЮши пыжЫ
мЕдик нЕМ фафлюфЮк лЯп алюмИний
Абьюбась хЕи мЯкоть яЕю Ефь
лЕюнь юпфЯк
маютьГА звИ тЕтятъ ммЕ
пьяПянь

.
Рекорд нѣжности поставил Илья Зда-
невич, сіяя от удовольствія!

.
.
В третей драмѣ цикла „аслаабличья“
(„острафѣ пасхи“) превращеніе осла в чело-
вѣка болѣе рѣшительное: хозяин говорит
о дѣйствующих лицах „острафа пасхи“
почти ласково: „Купец парядочный асел